

И.С. Хугаев

1. «МОДЕЛЬ МИРА»

«Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их. Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чеботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства...»

Кто-то из критиков заметил, что не только великие книги объясняют реальность, но и реальность объясняет великие книги. В самом деле: как бы мы могли понять произведение литературы, если бы действительная жизнь не являла нам всюду живые примеры отвлеченных литературных идей и характеров? Причем это касается произведений не только последнего времени, но и давно минувших эпох.

Некоторые произведения прошлого гораздо более понятны сегодня, чем тогда, когда они писались. Сама возможность такого парадокса наталкивает на соображение о том, что та или другая книга постольку гениальна, поскольку в ней уловлены вечные законы жизни. В произведении искусства, как в капле воды, отражается не только безграничное пространство, но и весь временной континуум.

Вот почему Ю.М. Лотман называет литературное произведение «моделью мира».

2. ЗЛАЯ СКАЗКА

«Тараса Бульбу» мы все читали в школе с трудом и неохотой, с досадой на автора, написавшего бог весть что бог весть о чем. Дело не только в издержках детско-юношеского восприятия: в Стране Советов, где раз и навсегда были решены роковые вопросы истории, повествование Гоголя

БРАТЯ БУЛЬБЫ: К ВОПРОСУ О ВЕРНОСТИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ

И.С. Хугаев*

казалось какою-то злой и необязательной сказкой о народе странном и непонятном, где в обычае драться на кулаках отцу с сыновьями, презирать науки, стыдиться нежных чувств и любить одну только войну. А сегодня эта степь – эта повесть – расстилается перед взором во всей своей жизненной полноте и достоверности; здесь вся современная Украина отражена в микрокосме одного семейства.

Перед нами Тарас, толстый и крепкий, основательный; из «коренных, старых полковников», созданный для «бранной тревоги» и отличающийся «грубой прямою нравом»; мать, худощавая, неприметная, призрачная, вся любовь которой и «все, что есть нежного и страстного в женщине» «обратилось... в одно материнское чувство»; и два их сына – Остап и Андрий, первому из которых суждено было стать героем, а другому – предателем; одному – главным героем истории, а другому – главным героем повести.

Именно так. Ведь что мы помним из повести спустя многие годы? – мы помним прежде всего Андрия – его предательство и его страшную – потому что родной отец убил – смерть. Что повесть названа именем Тараса, еще не значит, что Тарас и есть главный ее герой. Во всяком случае, не потому Тарас главный, что повесть носит его имя. Главный герой – это, помимо прочего, образ наибольшего драматического напряжения и нравственного динамизма. Конечно: и Тарасова судьба ужасна: шутка ли? – родного сына убить. Но Тарас и Остап остаются, в сущности, неизменными на протяжении всего повествования, тогда как с Андрием происходит жуткое и колдовское превращение.

3. «ГЕТЬМАНЩИНА» И ДОНБАСС

Непосредственным фоном этой фабулы выступает политическая обстановка в Украине в XVI веке, когда «...влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие пере-

* Хугаев Ирган Сергеевич – д. ф. н., ведущий научный сотрудник ВНИЦ РАН (shmiksel@rambler.ru).

нимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы». Естественно, что «Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были склонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов».

Заметим, однако, что Гоголь говорит не «украинское дворянство», а «русское дворянство». Просто потому, что никакого украинского дворянства не было. Гоголевская «Украина» – это окраина России, Русь в миниатюре. «Тарас Бульба» – это модель русского мира с извечным противостоянием либерально-космополитического и патриотического мировоззрения.

Указав в экспозиции это внутреннее российское противоречие, Гоголь предлагает завязку повествования. Она заключается в тревожных новостях, которые принесли заскучавшим запорожцам беженцы с запада:

«– ...вы разве ничего не слышали о том, что делается на гетьманщине?

– А что? (...)

– Такая пора теперь завелась, что уже церкви святые... не наши.

– Как не наши? (...)

– Слушайте!.. еще не то расскажу: и ксендзы ездят теперь по всей Украине в таратайках. Да не то беда, что в таратайках, а то беда, что запрягают уже не коней, а просто православных христиан. Слушайте! еще не то расскажу: уже говорят, жидовки шьют себе юбки из поповских риз. Вот какие дела водятся на Украине, панове! (...)

– Стой! (...) что ж вы делали сами? Разве у вас сабель не было, что ли? Как же вы пустили такому беззаконию?

– ...А попробовали бы вы, когда пятьдесят тысяч было одних ляхов! да и – нечего греха таить – были тоже собаки и между нашими, уж приняли их веру».

Спустя четыреста лет мы словно услышали это тех самых известий. Слух гражданина игнорирует нюансы (это пища софистов и демагогов), патриот видит всю картину разом, он сердцем чувствует правду: Запорожская Сечь Гоголя – это нынешний Донбасс, это Новороссия; «гетьманщина» – остальная Украина, предавшаяся Западу.

4. ШАРОВАРЫ, ЗАПАЧКАННЫЕ ДЕГТЕМ

Почему она предалась? Какой ответ дает Гоголь?..

«...первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги... чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения».

Главная черта русского характера, по Гоголю, в пренебрежении к материальным ценностям. В ком не достало презрения к шароварам дорогого сукна, тот и предался.

Сечь несовместима с рынком, с собственническим сознанием: «...Только побуждаемые сильною корыстию жида, армяне и татары осмеливались жить и торговать в предместье, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула из кармана денег, столько и платили».

Все запорожцы – прирожденные аристократы. Они не мелочатся: сдача – это всегда мелочь.

А стоит кому-нибудь на минуту изменить своей аристократической природе – и конец казаку. Так оно случилось с куренным атаманом Бородатым, который на поле брани «польстился корыстью»: нагнулся, чтобы снять с поверженного им шляхтича драгоценные бирюльки – и «отскочила могучая голова, и упал обезглавленный труп, далеко вокруг оросивши землю. Понеслась к вышинам суровая козацкая душа, хмурясь и негодуя, и вместе с тем дивуясь, что так рано вылетела из такого крепкого тела».

Корысть – путь к гибели.

5. СТРАШНАЯ СУДЬБА

Но так ли оно и с Андрием, с меньшим сыном Тараса?.. Ведь у него, кажется, своя, особенная история, которая, без сомнения, вызывает сочувствие у многих читателей.

Эти два Бульбенка – два законных брата; Гоголь не нажимает на их различия, здесь нет контрастов: легкими прикосновениями кисти он указывает их особенности. Здесь разница не столько в качествах, сколько в степенях тех или иных качеств.

Дав предварительно портрет Остапа, Гоголь обращается на Андрия: «Меньшой брат его... имел чувства несколько живее и как-то более развитые. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжелый и сильный характер. Он был изобретателем своего брата; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда с помощью изобретательного ума своего умел увертываться от наказания, тогда как брат его Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании...»

Глядя на Остапа, Тарас говорит себе: «О! да этот будет со временем добрый полковник!.. Ей-ей, будет добрый полковник, да еще такой, что и батька за пояс заткнет!»

А глядя на Андрия – «И это добрый – враг бы не взял его! – вояка! не Остап, а добрый, добрый также вояка!»

И мать их любит обоих – горячее, исступленной русской любовью; но больше все же младше-

го: «Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выразалось более какой-то нежности: она схватила его за стремя, она прилипла к седлу его и с отчаяньем в глазах не выпускала его из рук своих»; именно Андрия обнимает она «с какою-то помешанною, бесчувственною горячностью».

И не потому ли мать любит больше Андрия, что ему Богом и Гоголем предначертана более страшная судьба?

Гораздо более страшная: Остапу только кости перебили, его только истязали да четвертовали – и то ляжи, а Андрия родной отец, прокляв, застрелил.

Остап героем погиб, а Андрий – предателем. Вот где страшная судьба.

6. ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Особенная судьба Андрия угадывается с самого начала. Гоголь – хитрец: между прочим и как бы невзначай он указывает зерно его падения и гибели: «Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нем живо, когда он перешел за восемнадцать лет. Женщина чаще стала представляться горячим мечтам его; он, слушая философические диспуты, видел ее поминутно, свежую, черноокою, нежную. Пред ним беспрерывно мелькали ее сверкающие, упругие перси, нежная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье... дышало в мечтах его каким-то невыразимым сладострастием. Он тщательно скрывал от своих товарищей эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви, не отведав битвы».

Вот она – та червоточина, та преступная наклонность молодого неопытного сердца, которая с неизбежностью ведет его к духовной смерти.

Судьба редко удовлетворяет нашим высоким мечтам, и всегда потакает нашим преступным помыслам. А для искусства это и вовсе закон. О чем Андрий грезил – то и увидел наяву: судьба и Гоголь показали ему прекрасную польку, заставили ее посмеяться над ним, когда он ударил лицом в киевскую грязь, вложили в его горячее сердце этот холодный, чуждый алмаз.

И потом, когда запорожцы осаждали Дубно, и старая татарка, служанка панночки, разыскала Андрия и повела его, навьюченного, как осла, хлебами для врагов, тайным ходом в город, мистический Гоголь сделал ему последнее предупреждение:

«– Андрий! – сказал старый Бульба в то время, когда он проходил мимо его.

Сердце его замерло. Он остановился и, весь дрожа, тихо произнес:

– А что?

– С тобою баба! Ей, отдеру тебя, вставши, на все бока! Не доведут тебя бабы к добру! – Сказавши это, он оперся головою на локоть и стал пристально рассматривать закутанную в покрывало татарку.

Андрий стоял ни жив ни мертв, не имея духа взглянуть в лицо отцу. И потом, когда поднял глаза и посмотрел на него, увидел, что уже старый Бульба спал, положив голову на ладонь».

Туманный, сомнамбулический эпизод!.. Почему Гоголь поспешил вновь усыпить Бульбу? Отчего старый Тарас не остановил сына?

Но не так ли и небесный Отец попускает совершиться всякой измене, чтобы во всем блеске торжествовала верность?..

7. ТЕМНАЯ СИЛА

Что случилось с Андрием? Почему он предал? Скажут: любовь. Но какая же это любовь? – он видел свою «панночку» всего лишь раз, мельком, в окне. С одного взгляда можно влюбиться, но не возлюбить. Любовь – это другое.

Образ красавицы только удачно наложился на его вожделенные грезы. Это – болезненное пристрастие, которое мы смело назвали бы похотью, если бы Андрий не был так молод. Ибо у Андрия тоже – хотение, неутолимое, неутомимое и бессознательное, тот преступный каприз, когда желаемое ставится превыше должного. И все же похоть – удел извращенных и опытных в грехе натур, – потому и Гоголь ни разу не произносит это слово. Молодость – единственное оправдание Андрия.

Любовь одухотворяет и возвышает, любовь укрепляет во всем, что есть в тебе лучшего. Нельзя, любя одного человека, предать другого. Любовь – другое имя верности. Любовь и предательство не живут в одном сердце. А что говорит Андрий, оставшись наедине с его роковой полькой?..

«– Царица!.. Что тебе нужно? чего ты хочешь? прикажи мне! (...) У меня три хутора, половина табунов отцовских – мои, все, что принесла отцу мать моя, что даже от него скрывает она, – все мое (...) Вижу, что ты иное творенье бога, нежели все мы (...). Мы не годимся быть твоими рабами, только небесные ангелы могут служить тебе...»

Андрий, как только увидел свою панночку вблизи, в пределах физической досягаемости, стал торговаться и льстить, как лавочник.

Полька и та чует, что Андрий сам не свой, что себе он уже изменил: «– Не обманывай, рыцарь, и себя и меня... знаю... что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут отец, товарищи, отчизна, а мы – враги тебе.

– А что мне отец, товарищи и отчизна!.. так вот что: нет у меня никого! (...) – Кто ска-

зал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя – ты! Вот моя отчизна!»

Здесь – самая главная анти-идея Гоголя, на которой стоит вся темная сила человеческой души. Кто дает нам отчизну и веру? Кто дает нам отца и мать, братьев и сестер, друзей и соседей? Кто дает нам самих себя?

Как только усомнится человек в законности того, что дано нам свыше, о чем не спросили нашей воли, и его душа взалкает своевольно – чужого платья, чужой земли, чужой жены – начинается повесть предательства.

Мало ли, чего ищет наша душа!.. Честный и твердый держит душу в узде.

8. НАИВНЫЙ ТАРАС

У этого предательства есть только внешне благородный и возвышенный, идеалистический повод: любовь или то, что выступает под ее маской. Подготавливая Андрия к его необходимому падению, Гоголь использует его склонность к женскому полу как спусковой крючок порока – все той же, обычной, заведомо презренной корысти, собственнического инстинкта и бесовской гордыни.

Посмотрите, каков он стал после того, как бросил отчизну и отца и товарищей к ногам польки: «...И наплечники в золоте, и нарукавники в золоте, и зеркало в золоте, и шапка в золоте, и по поясу золото, и везде золото, и все золото... И коня дал ему воевода самого лучшего под верх; два ста червонных стоит один конь».

Сравните это с шароварами, измазанными дегтем... Почему он не погнушался этим золотом? Как он теперь докажет, что не для золота предал?..

Когда Янкель, «жид», описал Тарасу его меньшего сына во всей красе, старый казак ничего не понял:

«– Зачем же он надел чужое одеянье?

– Потому что лучше, потому и надел...»

И когда Янкель сказал еще, что у воеводы есть дочка-красавица, «святый боже, какая красавица», – старый Тарас опять ничего не понял:

«– Ну, так что же из того?»

Два недоуменных вопроса Тараса ставят обе причины предательства – красивую женщину и красивое одеянье – на одну ступень.

Тарас так и не понял, почему Андрий перешел к врагу, а для Янкеля мотивы Андрия очевидны и естественны. Бульба, казак, не понял Андрия, а Янкель, лавочник и ростовщик, понял. Кем же стал Андрий?

9. СТРАШНЫЙ СУД

То есть, он ведь, во всяком случае, не стал ляхом, оттого что к ним перешел. Ляхи все-таки

были воины, и они храбро сражались: могли ли они уважать перебежчика Андрия, даже если предположить, что панночка полюбила его всем сердцем?

Но ведь и это последнее предположение тоже пустое: за что бы ей любить его? Неужели за то, что он хлеба ей принес?.. Возможно, она любит его, пока голодна; что же будет, когда она поест?..

Одиночество Андрия ужасно – но, слава Богу, не бесконечно. С неотвратимостью наступил его страшный суд, когда он увидел перед собой «страшного отца».

«...– Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

(...) Бледен как полотно был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев – это было имя прекрасной полячки...»

Читателю это имя осталось неизвестным. А Тарасу оно и неинтересно.

10. ХЛЕБ АНДРИЯ

Ляхи не помогли Андрию, и Андрий не помог ляхам. Лживость и тщетность положения, в которое он себя поставил, сполна выразились в том, что даже хлеб Андрия, который он тащил на своем горбу по долговому крысиному подземелью, не спас никого: едва они уединились с панночкой, как в Дубно явилась военная подмога с провиантом.

Мало того, что хлеб Андрия никого не спас: он и погубил кое-кого. Я имею в виду того изголодавшегося бедолагу, которому Андрий, проходя с татаркой по улицам осажденного города, швырнул, «движимый состраданием», один из хлебов, и который, проглотив несколько кусков, тут же «испустил дух... от долгой отвычки принимать пищу».

Гуманитарный хлеб Андрия можно было бы зачесть ему как смягчающее вину обстоятельство, однако и это его благодеяние Гоголем аннулируется.

11. ДУША АНДРИЙ И ДУХ ОСТАП

Есть душа – а есть дух. Есть люди душевные – а есть духовные, духовые. Андрий – образ душевной, а не духовной, деятельности. Его душа взалкала чуждого, он не держал ее в узде. Узда – дух.

Андрий пленился плотской красотой; Андрия бес попутал и внушил ему, что это любовь и что никто не вправе судить его.

Один из заключительных эпизодов повести ясно показывает собственное гоголевское отношение к этому вопросу, – именно тот, где рассказывается о страшной гибели молодого шляхетского полковника: это был «родной брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия». Так сам Гоголь отомстил за своего героя, ставшего жертвой ворожбы и очарования.

Но даже если бы это была подлинно любовь – он и тогда был бы предатель.

Остап же, не узнавший, в отличие от меньшого брата, женского тепла, ненавязчиво, тонко соотносится с таким же целомудренным Христом: он *«выносил терзания и пытки, как исполнил... ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его...»*

Но когда подвели его к последним смертным мукам, – казалось, как будто стала подаваться его сила (...) И упал он силою и воскликнул в душевной немощи:

– Батько! где ты! Слышишь ли ты?..»

«Отче, отче! Почто ты оставил меня?»...»

Андрей перед смертью имя своей польки шептал, а Остап отца зовет в свидетели своей непреклонности.

Тело болит и вожделеет, душа может любить и страдать, а дух хранит верность.

Верность выше любви. Верность – это и есть настоящая любовь.

12. АТАМАН ЧЕСТЬ

И народы, подобно отдельным людям, есть душевные – и есть духовные, духовые. Многие народы преуспели в ремеслах, искусствах и науках, многие создали красивые обычаи. А есть народы, которые, помимо остального, хранят верность заветам предков и другим народам, с которыми они пуд соли съели.

Разграничение народа и «элиты», когда все политические грехи списываются на правящую верхушку, а народ освобождается от ответственности, тоже лежит в русле лукавого либерализма и политкорректности, и, по большому счету, сводит на нет ценность демократии. Кто же выбирает атаманов, если не народ? Кто должен отвечать за плохого атамана, если не народ? Если извинять народы, то никогда у них не будет хороших атаманов. Но, видно, именно плохие атаманы сегодня кому-то на руку.

Как бы то ни было, никакой атаман не сделает зла ни своим казакам, ни чужим, если все казаки будут помнить завет старого атамана Кирдяги: *«Слушайте своего атамана, а исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велит козацкая честь»*. Честь – вот атаман.

Врут, что в политике нет друзей, а есть одни только интересы. Тот, кто это говорит, не знает ни что такое дружба, ни что такое политика. Возможно, учителя в школе гладили его по головке, зато от сверстников он получал подзатыльники, как господин Саакашвили. Другое дело, что, как и у некоторых людей, у некоторых народов нет друзей среди других народов, а есть одни только интересы. Эти народы могут быть очень душевными: милыми, гостеприимными, веселыми, пьющими, поющими; но приходит трудный час для дружбы

– и они вспоминают о своих интересах.

Врал не помню кто, что «все большие народы – насильники, а малые – проститутки». Не все.

Врал Пилсуцкий, говоря, что «правда как задица – у каждого своя». Правда Пилсуцкого – задица.

Врал Бжезинский, этот отец современного цинизма, утверждая, что «мир – большая шахматная доска». Если бы это было так, то Гарри Каспаров был бы уже правителем мира. А он – всего лишь чемпион по шахматам. И то бывший.

Врала Тэтчер, уча, что «нет граждан, а есть только покупатели». Так рассуждает продавец, а не правитель.

Врал Талейран, заметив, что «вовремя предать – это значит предвидеть».

Здесь под видом житейской мудрости нам предлагается либеральное (читай «вольное») отношение к исконным человеческим ценностям, чтобы мы перестали жить по совести: чтобы легко продавали и предавали, покупали и покупались, чтобы измену почитали за дальновидность, а верность – за близорукость.

Если бы эти мудрецы были правы, если бы у человека и народа не было ни врагов, ни друзей, а одни только интересы, то все было бы дозволено, и не было бы в жизни ничего высокого: ни искусства, ни науки, ни культуры. И жизнь была бы плоской, как степь: ни бездны Андрия, ни сияющей вершины Остапа...

Когда Тарас заскучал на Сечи, он пришел к кошевому, чтобы узнать, нет ли какого дела для его сыновей, и, когда кошевой сказал ему, что нет, Тарас очень обиделся: *«Так, стало быть, следует, чтобы пропала даром козацкая сила, чтобы человек сгинул, как собака, без доброго дела, чтобы ни отчизне, ни всему христианству не было от него никакой пользы? Так на что же мы живем, на какого черта мы живем? растолкуй ты мне это. Ты человек умный, тебя недаром выбрали в кошевые, растолкуй ты мне, на что мы живем?..»*

И скоро «весь польский юго-запад сделался добычей страха. Всюду пронеслись слухи: "Запорожцы!.. показали запорожцы!.." Все, что могло спастись, спасалось».

В самом деле: зачем жить, если не за что умирать? Если нет ни добра, ни красоты, ни правды?.. Если нет ничего безусловного и священного?

Тарас поставил вопрос, с которым много позже русский патриот тщетно взывал к кошевым Горбачеву и Ельцину.

Сегодня, кажется, ответ слышится более или менее явственно, понемногу проступают в нашем сознании черты национальной идеи. Не зря Запад снова сделался «добычей страха», и снова раздался знакомый истошный крик: «Русские идут!»

Русский мир – это и есть национальная идея России.

13. СЕЧЬ, НАРТЫ И ИГИЛ

Идея Русского мира актуальна и для нас, для осетин, добровольно вошедших в 1774 году в состав Российской империи; она соответствует и осетинским национальным представлениям о земле обетованной справедливости, где есть не только закон, но и честь. И общность этих представлений имеет глубокие культурно-исторические корни.

В.И. Абаев обратил в свое время внимание на «дух и нравы» гоголевской Запорожской Сечи – этого, по определению В.О. Ключевского, «военного братства», и указал «внутреннее родство между Нартовской вольницей мифических времен и казачьей вольницей XV–XVIII веков. (...) Связь и преемственность подсказываются уже единством территории: те же просторы южно-русских и северокавказских степей породили и нартовскую эпопею и эпопею казачества. (...) Мудрено ли, что именно здесь выковывались могучие, истинно эпические характеры от Нартовских Урузмага и Сослана до гоголевского Тараса..?» И удивительно ли – добавлю и от себя, пользуясь уроками новейшей истории – что Русская весна началась в 2008 году в Южной Осетии?

Мы сопоставляем Сечь с Нартами и Новоросией, а недавно один известный российский политолог сравнил с гоголевской Сечью – ИГИЛ. Что ж, посмотрим, сложится ли об ИГИЛ когда-нибудь героическое предание, напишется ли романтическая повесть.

14. ЦАРЬ ПРАВДА

В школе и вузах современной Украины Гоголь преподается в курсе зарубежной литературы. Так на «гетьманщине» отrekliсь от Гоголя. Но на всякий случай классика подвергли цензуре: во всех переводах исправили «русский казак» на «украинский казак», а «русское дворянство» на «украинское дворянство». Странно, что Гоголя еще не сожгли, как Тараса.

Лучшая литература – это образная, искусная, искушающая правда. И в каждом великом произведении литературы, даже если оно повествует о далеком прошлом, есть пророчество. Поэтому фашиствующей в Украине власти литература не нужна. Ей нужна бухгалтерия и искусная ложь. Впрочем, ей подходит и безыскусная.

Теперь там янки вместо ляхов, но суть вещей от этого не меняется. Тысячи бывших бурсаков Андриев, царевичи Лжедмитрии, гетманы Мазепы, князья Курбские, генералы Власовы, купцы Ходорковские, депутаты Пономаревы, чемпионы

Каспаровы, министры Касьяновы, облачившись в импортный доспех, влюбленные в своих безымянных панночек, ведут на оклеветанную ими Русь вражью войско.

Согласен, согласен: Андрий в этом ряду предателей выглядит как будто недоразумением; ведь и Гоголь его любит по-своему, как жертву злой ворожбы и очарования. Но ведь, если посмотреть внимательно, у любого предательства есть оправдательный, в глазах самого предателя, повод. Все они очарованы: у каждого своя «панночка» – какая-либо идея, иллюзия, мечта или обида. И каждый из них говорит: «А что мне Отечество? Кто сказал, что мое отечество – Россия? Отечество есть то, чего ищет моя душа!..»

Отечество, может быть, не идеально, оно еще не рай; но кто же жалуется на Отца чужому дяде? Современный российский радикальный либерал – тип библейского Хама: уже одним только актом измены он выставляет напоказ отцовскую наготу. У Тараса к Андрию были и личные счеты: не за то ли Тарас убил сына, что тот посмел представить его в глазах чужеземца неудачником, человеком, родившим и воспитавшим предателя?

Как видим, прежде за хамство жизнью расплачивались, за кривое слово на дуэль вызывали; а теперь хам хамит хамски – и при этом еще требует, чтобы его не перебивали...

Так что же будет с Украиной, со всем русским миром? А все будет по Гоголю: «*Сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украйны... поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, – поднялась отмстить за посмеянье прав своих, за позорное унижение своих нравов, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унику, за позорное владычество жидовства на христианской земле – за все, что копило и сугубило с давних времен суровую ненависть козаков*».

Все будет по Гоголю: «*...у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлюю жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело*».

Все будет по Гоголю: «*...придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..*»

Этот царь – не Петр Первый, не Ленин и не Путин. Этот царь – Правда.

BULBA'S BROTHERS: TO THE QUESTION OF FIDELITY AND BETRAYAL

I.S. Khugayev